

Год назад («МХ» за 15 декабря 1989 г.) в интервью «Дом Шаляпина» впервые был поставлен вопрос о неблагоприятном положении дел в Доме-музее Ф. И. Шаляпина. В статье рассказывалось о причинах несостоявшегося мемориального музея, на что обязывает и архитектура здания и название «Дом-музей Ф. И. Шаляпина». Кратко сообщалось о трудной истории рождения музея, первых энтузиастах, где главная роль принадлежит Ирине Федоровне Шаляпиной. О ее квартире на Кутузовском проспекте, которая сама напоминала музей. Бережно хранила старшая дочь великого певца России шаляпинские реликвии, чтобы передать их в музей, о чем и указала в своем завещании.

Много вещей в дар открывшемуся музею было передано сестрами и братьями Ирины Федоровны, проживающими за рубежом.

Но в экспозиции подлинных вещей оказалось очень мало. Музей наводнен красивыми дорогостоящими вещами, не имеющими отношения к Шаляпину.

Эти и другие вопросы, поднятые «Московским художником», нашли продолжение в серии статей писателя Александра Арцибашева в газете «Рабочая трибуна» (с

4 по 20 сентября 1990 г.). Автор сериала «Бриллианты Шаляпина» поставлены проблемы большой государственной важности. Уже с первых лет революции шло расхищение ценностей России (особенно при реквизиции имущества особняков, монастырей, храмов). Печальная судьба мемориального наследия Ф. И. Шаляпина — продолжение этой варварской, хищнической политики уже в наши дни. Дают о себе знать большевистские замашки и сегодня. Постановка вопроса о незащищенности наследников и наследия великих людей, боль автора за судьбу народного достояния, составляют существо статьи А. Арцибашева.

Потрясенная увиденным в Москве, Татьяна Федоровна Шаляпина 22 февраля 1988 года пишет из Рима: «Когда я и Федя приехали в Москву и пошли на квартиру Ирины — она была совсем пустая... Конечно, я и Федя, люди наивные и доверчивые, мы думали, что все предусмотрено по закону».

В декабре 1988 года она задает недоуменные вопросы реставратору Дома-музея

Ф. И. Шаляпина Г. Е. Духатиной: «...Где все эти вещи, которые перечислены Ириной в завещании? Где все картины, серебро, хрусталь? Я ничего этого в музее не видела. И много предметов, привезенных Федей и вещей, которые я отдала.

Зачем в зале столько мебели и «мещанские» зеркала на стенах? Я не могу понять, почему надо было брать костюмы из Большого театра, отцу никогда не принадлежавшие? Когда они имели настоящие, которые были сделаны по эскизам больших русских художников? Почему они, «Глинки», не посоветовались с нами, не спросили, если сами не знали? Они заявили, что они все прекрасно знают...

В журнале написано: «Жил и творил Шаляпин». Где же он творил и работал, когда зал битком набит мебелью и настенные зеркала, — все что вредит акустике и негде артистам репетировать.

Вот что происходит, когда доверяют такую важную работу (как создание музея Шаляпина) некомпетентным людям».

А вот что писал сын Ф. И.

Шаляпина, Федор Федорович Шаляпин, обращаясь к бывшему министру культуры В. Г. Захарову:

«Многоуважаемый Василий Георгиевич! Я сожалею, что не присутствовал на открытии музея и, с другой стороны, я не сожалею, ибо подозреваю, что деятели музея Глинки создали свою, фальшивую обстановку в доме. Насколько я соображаю, в доме все неверно: им важно создать мнение, что они «Глинки» создали этот музей. За это будут награды, вероятно, материальные поощрения...

Чтобы ни случилось, я с музеем им. Глинки сотрудничать не буду ни при каких обстоятельствах, ибо считаю их недостойными заниматься делами моей семьи...».

Подчеркивая некомпетентность некоторых научных сотрудников и непрофильность шаляпинской темы для Музея им. Глинки (филиалом которого является Дом-музей Ф. И. Шаляпина), Федор Федорович настаивает на своем праве дарителя — определить принадлежность наследия Ф. И. Шаляпина:

«Ваше предложение, мно-

гоуважаемый Василий Георгиевич, подчинить музей Федора Ивановича Министерству культуры — безусловно почетно, но тут дело в специализации, а не в почете...».

В то время (1988 г.) Федор Федорович настаивал передать музей Шаляпина в ведение Театрального музея им. Бахрушина. Мы предложили иное решение: отделать Дом-музей Ф. И. Шаляпина от Музея музыкальной культуры им. Глинки, придав ему самостоятельный статус.

В письме к С. В. Фадеевой от 15.06.90 г. Федор Федорович пишет: «Согласен с Вами, если музей будет самостоятельным. Но пока он в руках «Глинок», мне там делать нечего (подчеркнуто Ф. Ш.). Все равно никто слушать меня не будет... Будем надеяться».

В сентябре этого года мы с Федором Федоровичем были на приеме у зам. министра культуры А. А. Золотова. Разговор шел о необходимости создания самостоятельного музея Ф. И. Шаляпина и о назначении главой оперного совета (гл. консультантом) Ф. Ф. Шаляпина.

В деле с шаляпинским домом выявилось два аспекта. Один юридический — необходимо выявить роль глав-

ного хранителя Музея им. Глинки Л. Г. Савченко и доверенного лица Ирины Федоровны Шаляпиной П. П. Пашкова в фактическом расхищении шаляпинского наследия.

Другой аспект — нравственный. Нам известны суждения почтенных людей — детей Шаляпина. Они не приемлют ни работу экспозиционеров, ни московских художников.

Художник работает в сотрудничестве с научным коллективом. Но он свободен в выборе художественных средств для раскрытия образа, идеи, заложенной в научно-экспозиционном плане. Вникнуть в подлинный материал — его обязанность. Без художественно-исследовательского осмысления, и прежде всего первоисточников, экспозиция состояться не может. Художник личность свободная. И как это он не мог посочувствовать другой свободной личности — Шаляпину?! Не вникнуть даже в его биографию?!

В результате «легковесность» художников привела к тому, что мы вместо огромной духовной ценности на ул. Чайковского имеем сейчас фальшивку, которая раздражает не только детей Шаляпина.

Ю. БЫЧКОВ,  
С. ФАДЕЕВА.